

О локализации протоэвенкийского языка

Александр Михайлович Певнов,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

E-mail: pevnov@gmail.com

Гипотетической прародиной эвенкийского языка является та территория, на которой по экстралингвистическим причинам началась дивергенция диалектов протоэвенкийского языка. В эвенкийском языке имеется большое количество территориальных вариантов (в середине прошлого века их было не меньше 30), распространившихся от Таймыра до северного Китая и от р. Васюган в Томской области до Сахалина. В статье предлагается искать языковую прародину эвенков в соответствии со следующими условиями: 1) эта территория должна быть там, где наблюдается максимальное географическое сближение основных групп современных диалектов эвенкийского языка (по мнению Г.М. Василевич, таких групп три: северная, южная и восточная, при этом последняя обладает некоторыми особенностями как первой, так и второй); 2) данная территория не могла быть далеко от тунгусо-маньчжурской прародины, которая, с точки зрения автора, находилась в бассейне среднего Амура; 3) обязательным было наличие монголоязычных соседей (в эвенкийском языке есть только ему свойственные заимствования из монгольского); 4) наличие на этой территории ягеля, так как носители протоэвенкийского языка, скорее всего, занимались оленеводством. Делается вывод о том, что на протоэвенкийском языке говорили в I тысячелетии н.э. в Забайкалье — в частности, в бассейне р. Витим.

Ключевые слова: эвенки, протоэвенкийский язык, прародина, диалекты, монголы, Забайкалье, р. Витим.

On the Localization of the Proto-Evenki Language.

Aleksandr Pevnov, Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.

E-mail: pevnov@gmail.com.

The hypothetical homeland of the Evenki language is an area in which Proto-Evenki started to diverge into numerous dialects. Nowadays the Evenki dialects are spread over an extremely vast territory — from the Taymyr peninsula to Northern China, from the Vasyugan river to Sakhalin. A search for the Evenki linguistic homeland must satisfy four following requirements: (1) principal groups of modern Evenki dialects (northern, southern, and eastern) must be geographically close to each other to the maximum in the territory which is thought to be the homeland of the Evenki language, (2) the territory could not

be far from the Manchu-Tungusic homeland (in my view, it was the basin of the Middle Amur), (3) the presence of Mongol speaking neighbours (Evenki has specific borrowings from Mongol), (4) sufficient reindeer moss in that territory because those who spoke Proto-Evenki were most probably reindeer breeders. The present author came to conclusion that Proto-Evenki was spoken during the first millennium AD in Transbaikalia: to put it more precisely, in the basin of the Vitim river.

Keywords: Evenkis, Proto-Evenki language, homeland, dialects, Mongols, Transbaikalia, Vitim river.

Пародина эвенкийского языка — это гипотетическая территория, на которой по экстралингвистическим причинам началось диалектное дробление протоэвенкийского языка. Результатом этой длительной диалектной дивергенции, отчасти уравновешивавшейся конвергенцией, стало образование большого количества эвенкийских диалектов (в словаре [5] представлена лексика тридцати двух территориальных вариантов эвенкийского языка).

Всех эвенков в большей степени, чем что-либо иное, сближает язык. В плане физической антропологии они в значительной степени гетерогенны. В хозяйственно-культурном отношении эвенки также имеют существенные различия, их этническая история весьма сложна, что подтверждается, в частности, наличием у них не одного, а нескольких самоназваний. Большая часть эвенков называет себя *эвэнкй*, что когда-то означало «здешний» (первой примерно так определила исходное значение самоназвания эвенов К.А. Новикова [3, с. 11]). Судя по эвенкийско-русскому словарю Г.М. Василевич [5, с. 166], самоназванием эвенков в верховьях Подкаменной Тунгуски, а также непских, ербогачёнских, токминских и верхоленских эвенков было *илэ* (буквально: «человек»). По-видимому, это слово монгольского происхождения, первоначально оно, вероятно, означало «явный, видимый». Наконец, самоназванием забайкальско-амурской группы эвенков было *орочён*, что когда-то буквально означало «местный, житель определённой местности» (первым примерно такое толкование этнонима, представленного также в Маньчжурии, предложил С.М. Широкогоров [6, р. 210]). Впрочем, сами забайкальско-амурские эвенки не без оснований связывали самоназвание *орочён* со словом *орон* «домашний олень» (ср. *мурчен* «конный» от *мурин* «конь»). В русскоязычной этнографической литературе встречается фонетически несколько адаптированный русскими термин «орочоны» — так называли не только эвенков Забайкалья и Приамурья, но также некоторые другие народы, говорящие на тунгусо-маньчжурских языках. Чтобы избежать непонимания, можно именовать тунгусский народ, живущий на северо-востоке Китая, не орочонами, а орочёнами, что вполне соответствует их самоназванию. Термин же «орочон» будет в таком случае относиться только к некоторым группам эвенков России.

Возможны разные способы локализации праязыка (протоязыка). Так, для поиска тунгусо-маньчжурской «прототерритории» мною были использованы, в частности, данные палеоботаники, топонимики (потамонимы, т.е. названия рек, точнее, суффиксальное оформление этих названий),

поязыковые заимствования (ими оказались почти исключительно монголизмы). Комплексный подход позволил высказать гипотезу о том, что территория распространения тунгусо-маньчжурского праязыка находилась в бассейне среднего Амура [4].

Одним из методов локализации праязыка может быть выявление территории, на которой расстояния между современными языковыми классификационными единицами, или таксонами, минимально. Для тунгусо-маньчжурской языковой семьи такими таксонами являются следующие её ветви: 1) маньчжурская (к этой ветви относятся чжурчжэньский, маньчжурский и сибирский языки), 2) амуро-сахалинская (нанайский, улчский, а также уильта, или орокский), 3) сихотэ-алинская (орочский и удэгейский), 4) тунгусская (эвенкийский, негидальский, солонский, ороченский, хамниганский, а также эвенский и арманский языки; эта ветвь имеет немало общего с предыдущей). На карте все четыре ветви максимально сближаются в районе хребта Малый Хинган; предполагаю, что где-то здесь, причём как на левом, так и на правом берегах Амура, и была тунгусо-маньчжурская языковая прародина.

При локализации протоэвенкийского языка необходимо учитывать следующие условия: 1) прототерритория, вероятнее всего, была там, где в наше время географически максимально сближаются группы эвенкийских диалектов; 2) относительная близость к тунгусо-маньчжурской прародине, т.е. к среднему Амуру; 3) наличие монголоязычных соседей (в протоэвенкийском были монголизмы, свойственные лишь ему); 4) наличие ягеля на прототерритории, поскольку носители протоэвенкийского языка, по-видимому, были оленеводами, о чём свидетельствует, безусловно, не инновационная эвенкийская оленеводческая терминология.

Согласно классификации Г.М. Василевич, в эвенкийском языке есть три группы диалектов: северная, южная и восточная [1, с. 12—18], при этом восточная группа, с точки зрения исследователя, обладает некоторыми особенностями как южной, так и северной. Судя по представленной в книге [1, с. 18] схеме, а также по рисунку «Расселение тунгусов в XVIII в. и диалекты» [2, с. 5], эти три диалектные группы находятся (и находились в XVIII в.) на минимальном расстоянии друг от друга в Забайкалье — в бассейне р. Витим и на прилегающих территориях. Возможно, именно там оленеводы и говорили на протоэвенкийском языке. Подтверждается такое предположение следующими обстоятельствами: от бассейна Витима до среднего Амура значительно ближе, чем, скажем, от Ангары; к югу от указанной территории жили (и живут) монголы; в этих местах ещё в XVIII в. жили «оленные тунгусы» [2, с. 4] — вероятно, ягеля там было и раньше достаточно для занятия оленеводством.

На составленной Г.М. Василевич «Схеме распространения диалектов и говоров эвенкийского (тунгусского) языка» в бассейне Витима и на прилегающих территориях можно увидеть максимальное для эвенкийского языка диалектное разнообразие [1, с. 18]). Это также свидетельствует о том, что на данной территории вполне могли говорить на протоэвенкийском языке.

Бассейн р. Витим и прилегающие к нему территории были идеальной «стартовой площадкой» для нуклеарной протоэвенкийской общности: вероятно, отсюда и происходила начиная, скорее всего, со второй половины

I тысячелетия н.э. постепенная вееро- и волнообразная миграция эвенков-оленоводо-ов. Такая датировка основана на том, что предки якутов, мигрировав на среднюю Лену, застали там эвенков, которые должны были туда переселиться из Забайкалья вряд ли позже начала II тысячелетия н.э. (на самом деле, очевидно, раньше).

Из бассейна Витима был прямой выход не только на Лену с её притоками, но и на Нижнюю и Подкаменную Тунгуску, Ангару, а на востоке — на Шилку и дальше на Амур. Последним «коридором» воспользовались предки солонов, причём их тунгусский язык претерпел под монгольским и маньчжурским влиянием некоторые существенные изменения.

Наличие домашних оленей способствовало распространению эвенкийских групп на огромной территории. В южном Забайкалье эвенки под влиянием монголов перешли от оленеводства к коневодству, а одна группа солонов стала заниматься земледелием. Именно так возник тунгусский феномен — крупнейшая территория расселения при минимальном количестве населения.

Протоэвенки на юге своей территории соседствовали с монголами, и это оставило след в их языке, причём, что особенно важно, этот лексический след представлен во всех эвенкийских диалектах. Это свидетельствует о том, что заимствование монгольских слов происходило в ещё относительно монолитный, не распавшийся на тридцать с лишним диалектов эвенкийский язык. Одним из таких слов является *havā* — «работа» (с протетическим *h*). Думаю, что это общеэвенкийское слово было заимствовано из монгольского, ср. монгольское письменное *aba* «охота» (значение изменялось так: охотиться → бродить на охоте → двигаться → работать; возможность последнего семантического перехода подтверждается соответствием английского *travel* «путешествовать, странствовать» и французского *travailler* «работать, трудиться»). Существенно, что это было сепаратное заимствование, освоенное первоначально только протоэвенкийским языком (соответствующие слова есть в негидальском языке, в охотском диалекте эвенского, а также в гаринском говоре нанайского, но они, по-видимому, заимствованы из эвенкийского).

С лингвистической точки зрения эвенкийские диалекты относительно близки между собой. Объясняется это кочевым образом жизни большей части их носителей: одни эвенки более или менее регулярно контактировали с другими. Такие контакты в эвенкийском языковом континууме способствовали замедлению диалектной дивергенции и длительному сохранению этим континуумом статуса языка, не распавшегося за десять-пятнадцать столетий на несколько самостоятельных близкородственных языков. Впрочем, на южной и восточной периферии эвенкийского диалектного континуума такие языки образовались, и это было обусловлено утратой оленеводства, а также интенсивными контактами с другими языками. Так возникли негидальский, солонский, орочёнский и хамниганский языки.

Интересно, что примерно в тысяче километров к востоку от прародины эвенкийского языка находилась прародина эвенского языка — ближайшего родственника эвенкийского. Между носителями протоэвенского и протоэвенкийского языков много общего: и те, и другие занимались оленеводством; и те, и другие были соседями монголов, от которых получили

некоторое количество заимствованной лексики (причём в эвенкийском одни заимствования из монгольского, а в эвенском — иные); и те, и другие расселились на огромной территории в основном в неюжном направлении, однако миграция происходила в разное время: носители протоэвенкийского языка начали покидать свою прародину раньше носителей протоэвенского. Более ранним расселением эвенков объясняется то, что их этническая территория по площади не имеет себе равных в Северной Азии: от Таймыра до Большого Хингана и от р. Васюган до Сахалина.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1948. 352 с.
2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
3. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 263 с.
4. Певнов А.М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 63—83.
5. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г.М. Василевич. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 802 с.
6. Shirokogoroff S.M. A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the manuscripts. Tokyo: Minzokugaku kyōkai, 1944. 258 p.

REFERENCES

1. Vasilevich G.M. *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tungusskogo) yazyka* [Study of Dialects of the Evenki (Tungus) Language]. Leningrad, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR Publ., 1948, 352 p. (In Russ.)
2. Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVIII — nachalo XX v.)* [Evenkis. History-Ethnographical Studies (XVIII — the beginning of XX)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
3. Novikova K.A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka. Olskiy govor* [Study of Dialects of the Even Language. Ola Dialect]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1960, part 1, 263 p. (In Russ.)
4. Pevnov A.M. Lingvisticheskiye puti resheniya tunguso-man'chzhurskoy problemy [The Problem of the Localization of the Manchu-Tungusic Homeland]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 2008, no. 5, pp. 63—83. (In Russ.)
5. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian Dictionary]. Comp. by G.M. Vasilevich. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1958, 802 p. (In Russ.)
6. Shirokogoroff S.M. *A Tungus Dictionary. Tungus-Russian and Russian-Tungus*. Photogravured from the manuscripts. Tokyo, Minzokugaku kyōkai Publ., 1944, 258 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 16.02.2021